

Трибуна молодого учёного

Политическая методология в контексте формирования « у м н о й п о л и т и к и »

Подъячев Кирилл Викторович – кандидат
политических наук, научный сотрудник
Института социологии РАН

e-mail: sekretar@isras.ru

Политическая методология в контексте формирования «умной политики»

Аннотация

Статья посвящена проблеме выбора объекта исследования политической науки в современных условиях. Автор исходит из предположения, что традиционное акцентирование на процессе борьбы за власть сегодня уже не актуально, и предлагает поставить в центр внимания политологии процесс выявления и решения социальных проблем. Исходя из этого, рассматриваются возможности дальнейшего развития политологии в России.

Abstract

The article sets out to explore the object of study in modern political science. The author proceeds from the assumption that the traditional emphasis on power struggle is no longer relevant in modern political science, and proposes to concentrate instead on the process of identifying and solving social problems. This assumption serves as basis for speculation on the development of political science in Russia.

Ключевые слова: политика, политология, власть, влияние, агрегирование, модернизация, социальные проблемы, гражданские движения

Keywords: politics, political science, power, influence, aggregation, modernization, social problems, civil movements

Модернизация экономики невозможна без социальной модернизации, без изменения устаревших, не отвечающих современным реалиям отношений между различными частями социального, и, прежде всего, между обществом и политической системой. С этим положением сейчас уже никто не спорит, оно принимается экспертным сообществом как аксиома. Из этого следует, что политическая модернизация является важным, если не центральным, пунктом современной повестки дня.

Президент РФ Д. Медведев недавно сказал: «Модернизация создаёт умную экономику, но модернизация требует и умной политики, обеспечивающей условия для всестороннего обновления жизни общества» [1]. А «умная поли-

«Умная политика» сможет быть успешной лишь в том случае, если её интеллектуальная опора – политология – будет адекватна современным реалиям.

тика» есть прежде всего политика, опирающаяся на социальные инновации в такой же мере, в какой «умная экономика» опирается на инновации технологические. Для такой политики политология и социология являются не отвлечённым «высокоумным бормотанием», но интеллектуальным базисом, источником новых идей и смыслов.

Появляющийся на наших глазах запрос на «умную политику» открывает перед социальными науками колоссальные перспективы, но он же ставит их перед серьёзным вызовом, требуя соответствия масштабу возникающих задач.

Это относится ко всем наукам об обществе, но едва ли не в первую очередь, к политологии. Политология, political science, должна быть в состоянии дать ответы на вопросы, возникшие перед современным государством и обществом. «Умная политика» сможет быть успешной лишь в том случае, если её интеллектуальная опора – политология – будет адекватна современным реалиям. Пока же это не совсем так. Современная политическая наука – и прежде всего российская – находится в серьёзном кризисе. Причины его возникновения и возможный путь выхода из него мы и попытаемся рассмотреть ниже.

Постановка проблемы

Сегодня в России для политологии словно не осталось места. Выборы почти утратили своё значение, причём даже не столько из-за «зачистки» оппозиционных партий, сколько потому, что сошло на нет влияние избираемых органов власти.

Имевшая место в 2007 г. кампания по презентации думских выборов в качестве «референдума» о доверии политике В. Путина ясно показала, что выборы сегодня рассматриваются не как способ формирования будущей власти, но как форма легитимации власти существующей. Отказать в доверии этой власти, конечно, можно (и никакие фальсификации и отмена порога явки ситуацию не спасут), но чем её заменить? Люди не находят ответа на этот вопрос (ведь ни одна из политических партий, включая т. н. «несистемные», неспособна предложить хоть какую-нибудь реальную альтернативу) и готовы соглашаться на сохранение status quo. В этой ситуации замещение значимых должностей в системе государственного управления и даже смена власти происходят непублично, а стало быть, изучение этого процесса с помощью инструментов, бывших до сего дня в арсенале политологии, представляется крайне затруднительным.

Однако похожие трудности возникают и там, где представительная демократия, казалось бы, не испытывает проблем с конкурентностью и публичностью. В развитых странах Запада выборы остаются вполне конкурентными, оппозиция действительно имеет доступ ко всем СМИ, и исход голосо-

Выборы почти утратили своё значение, причём даже не столько из-за «зачистки» оппозиционных партий, сколько потому, что сошло на нет влияние избираемых органов власти.

ния до последнего дня часто остаётся непредсказуемым. Но и там электоральный процесс в большой мере приобретает характер интерактивного шоу, а относительная «непредсказуемость» придаёт ему остроты, но не значимости. Независимо от того, победят республиканцы или демократы в США, консерваторы или лейбористы в Великобритании, христианские демократы или социалисты в Германии – политический курс правительств в этих странах не претерпит существенных изменений. Экономическая и политическая элита останется той же самой, интересы её не поменяются, а наличие во власти тех или иных персоналий погоды не сделает. Публичный политический процесс, в ходе которого происходит смена власти, там всё больше походит на футбольный матч. Самый яркий пример тому – Б. Обама, который шёл на выборы под лозунгом «Change We Need», победил «по-демократически» совершенно блистательно (чем вызвал завистливые вздохи у российских либералов), а в результате продолжает в основном политику (policy) своих предшественников (см. Афганистан, Ливия). Для политической науки это опять-таки означает существенные затруднения – публичный процесс, конечно, можно изучать, но если он ни на что принципиально не влияет, то много ли в таком изучении толку?

В результате начинает казаться, что для политологии осталось совсем незначительное предметное поле – прогнозирование электоральных перспектив для тех или иных политических партий (кандидатов) плюс разработка технологий предвыборных кампаний. Причём ничто из этого не требует специфически политологических методов.

В России же, с предсказуемыми результатами выборов и «однобокой» партийной системой, для политологии, кажется, сохранилась только область гаданий на тему «вернётся ли Путин в Кремль в 2012?». Не удивительно, что в такой ситуации стали раздаваться голоса о «смерти политологии» или её «ненаучности».

Однако такой взгляд представляется ошибочным. Не политология умерла, но показала свою несостоятельность старая методология, которая центром внимания политической науки считала государственную власть, вследствие чего единственным объектом исследования стал процесс борьбы за распределение властного ресурса. А подлинно научное исследование этого процесса возможно лишь там, где он происходит открыто и публично, т. е. имеет форму демократических выборов. В результате политология с рождения своего в качестве самостоятельной научной дисциплины оказалась привязанной к весьма ограниченному – исторически и культурно – типу социально-политической системы.

Современная политическая методология в большой степени привязана к анализу электорального процесса, поскольку в западной (особенно американской) политической науке господствует мнение, что «ни один политический институт

Независимо от того, победят республиканцы или демократы в США, консерваторы или лейбористы в Великобритании, христианские демократы или социалисты в Германии – политический курс правительств в этих странах не претерпит существенных изменений.

Не политология умерла, но показала свою несостоятельность старая методология, которая центром внимания политической науки считала государственную власть, вследствие чего единственным объектом исследования стал процесс борьбы за распределение властного ресурса.

не определяет политический ландшафт страны в такой степени, как её избирательная система» [2, с. 126]. А поскольку выборы, как любой массовый процесс, могут быть описаны статистически и, стало быть, математически смоделированы, политическая методология попала в жёсткие тиски «модельного подхода», эконометрики, математической статистики и комбинаторики (см.: [3, с. 699–707]). Там же, где сбор количественных данных затруднён, политическая статистика встаёт в тупик, и феномены неэлекторальной природы просто выпадают из её поля зрения.

В итоге всё, что могла бы предложить политология специфически «своего», попало в абсолютную зависимость от одного единственного политического института. Такая политология действительно оказывается в тупике, если избирательная система перестаёт оказывать существенное влияние на расстановку политических сил. И этой науке совершенно нечего сказать тем общественным силам, которые и не собираются встраиваться в государственную власть или занимать её место, но стремятся только к улучшению окружающей действительности (гражданским движениям, например).

Таким образом, задача видится не в том, чтобы «похоронить» политологию или ожидать того прекрасного дня, когда выборы снова станут определять лицо политической системы. Следует подумать над тем, чтобы уйти от старой методологии и, более того, от прежнего объекта изучения – процесса борьбы за власть.

Смена координат

Предложение заключается в том, чтобы по-иному посмотреть на объект исследования политической науки. Однако возможно ли политологически изучать невластные феномены? Наш ответ – возможно.

Какая бы судьба ни постигла институт выборов и каким бы авторитарным и закрытым ни был политический режим – социальные проблемы никуда не исчезают, процесс артикуляции и агрегирования интересов не прекращается. А процесс этот гораздо шире, чем собственно борьба за доступ к властному ресурсу; в него вовлечены гораздо более значительные социальные силы. Вместе с тем, он не может рассматриваться в отрыве от политики в традиционном её понимании. В современном мире государство пронизывает всё, причём в наиболее «демократических» и «передовых» обществах оно часто проникает даже в те сферы, которые в обществах «авторитарных» им почти не затрагивались (например, институт семьи). Так, социологи признают, что на протяжении последних 20 лет «...в большинстве развитых стран семейные функции продолжали

“перехватываться” обществом¹» [4, с. 73]. Потому никакое существенное изменение социальной реальности невозможно без участия государства, и всякая общественная активность, независимо от того, исходит ли первоначальный импульс «сверху» или «снизу», неизбежно оказывается перед необходимостью общения с администрацией и политической властью. А это неизбежно политизирует любые действия и движения, направленные на изменение социальной действительности. Как отметил авторитетный российский политолог А. Галкин, «... политические сигналы, поступающие от индивидов, не могут быть сведены к электоральным действиям. По сути дела любая акция, адресованная гражданином политическим институтам (будь то письменное послание, отказ платить налоги, девиантное поведение), является политическим действием» [5, с. 38]. Таким образом, не борьба за обладание государственной властью как инструментом легального насилия, но процесс выявления и разрешения социальных проблем при участии государственной власти – вот что представляется достойным объектом изучения современной политологии.

Сегодня политологами (российскими в том числе) ведутся исследования и по данному направлению, но этим исследованиям не хватает теоретического базиса. Не только в массовом сознании, но и в среде политологов продолжает господствовать убеждение, что политика – это борьба за власть. Достаточно почитать вузовские учебники по политологии, чтобы в этом убедиться. Так, в одном из наиболее популярных учебников политика определяется как «совокупность отношений, складывающихся в результате целенаправленного взаимодействия групп по поводу завоевания, удержания и использования государственной власти» [6, с. 53]. Можно предположить, что в значительной степени именно из-за этого слово «политика» воспринимается в России с негативными коннотациями и в русском языке (!) возникают такие устойчиво отрицательные неологизмы, как «политиканство» (это, однако, предмет отдельного исследования).

Кроме того, в широком политологическом дискурсе результаты исследований, не направленных на изучение «власти», почти не присутствуют. А политология тем и отличается от многих других научных дисциплин, что она в принципе не может быть уделом узкой группы профессионалов. Политология имеет ценность (на этой позиции мы готовы стоять твёрдо), если функционирует цепочка «академическая наука – прикладная наука – публичный дискурс». Потому сегодня требуется даже не столько смена объекта, сколько «смена координат» в политологии. Академическая политология, начиная с высшего, теоретического уровня, должна переориентироваться. Необходим подход, при котором государственная

¹ В данном случае читай – государством.

власть рассматривается уже не как самодовлеющая сущность, но как инструмент для решения конкретных социальных вопросов.

Теоретический базис

Ключевой проблемой политологии при обозначенном подходе становится вопрос взаимодействия государства и общества, а борьба за власть как таковая отступает на задний план.

Теоретической основой дальнейших исследований здесь может выступать условная двухчастная модель социального мира, восходящая ещё к Гегелю и Токвилю (см.: [7, с. 142]). В этой модели существуют две сферы – «политическое общество» (или политическая система), в которую помимо государства в узком смысле входят и политические партии, группы давления и другие структуры, так или иначе связанные с завоеванием и осуществлением политической власти, с одной стороны, и с другой – «неполитическое сообщество», сфера частной жизни людей, преследующих свои личные (семейные) интересы. Две эти сферы существуют одновременно и параллельно в рамках одного целого – социума, но при этом их функционирование основано на различных принципах.

Политическая сфера, как это заметил ещё Аристотель, ориентирована на общее благо (см.: [8, с. 38]), которое удивительным образом не только не является простой суммой частных благ, но представляет собой нечто, в корне от них отличное.

Неполитическая сфера ориентирована на разнородные частные блага, трудно совместимые друг с другом и объединяющиеся в некое групповое благо только случайным образом и на краткое время. Нормативным и аксиологическим центром политической сферы является власть, причём власть публичная. Тогда как для неполитической сферы¹ ключевое понятие – интерес.

Соответственно, сама логика бытия этих сфер глубоко различна. Политическая сфера устроена вертикальным образом, она функционирует в логике иерархии, дисциплины, подчинения. Разнообразные демократические новации, наподобие разделения властей, несколько смягчают тотальность и централизм, но отнюдь не устраняют логику господства-подчинения из отношений политики, ибо, где нет подчинения, там нет власти, а где нет власти, там нет политики. Неполитическая же сфера действует в логике взаимодействия, компромисса, договора. В ней нет места понятиям «главный» и «подчинённый»,

¹ Сам термин «неполитическая сфера» представляется весьма ущербным, поскольку он апофатически отталкивается всё же от «политики» и «власти», однако пока не видно, чем можно было бы его заменить. Термин «гражданское общество» не подходит, поскольку обозначает конкретный социокультурный феномен и исходит из понятия «гражданин», которое применимо далеко не ко всем типам обществ.

ибо любые роли в ней являются условными и временными. Как отмечал Э. Геллнер, в гражданском обществе «совершенно неясно, кто начальник» [9, с. 216].

Таким образом, логики бытия двух этих сфер принципиально различны, едва ли не противоположны. И подобное различие логик приводит к тому, что коммуникация между этими сферами становится крайне затруднительной.

А ведь речь здесь идёт об идеальной модели, в которой не учитываются ни индивидуальные пороки составляющих политическую систему личностей (которые в реальности часто пользуются властью для достижения личных благ, а не системной цели общего блага), ни возможность подмены переговоров насилием.

Из этого следует один вывод: трудности в коммуникации и взаимодействии политической и не политической подсистем социальной системы являются не временными и исторически обусловленными, но сущностными и непреодолимыми в рамках известного нам мира.

Вместе с тем очевидно, что политическое и не политическое суть две части одного целого, которые не в состоянии существовать одна без другой; и они вынуждены не только сосуществовать рядом, но и как-то коммуницировать. Ликвидировать государство не представляется возможным (все подобные попытки потерпели полный провал); более того, его значение в современном мире всё возрастает. Политическая сфера призвана регулировать деятельность не политической, она даёт ей законы, суд, защиту от внешнего врага и от внутренних преступников. Не политическая сфера «кормит» политическую. Старинная метафора о голове и туловище вполне адекватно отражает суть их общения. Можно предложить и другую, новую метафору – с конём и жокеем. Но суть здесь одна – две части социума, основанные на принципиально различных логиках, неразрывно связаны, и это неизбежно порождает напряжённость и парадоксальность в отношениях между ними. На протяжении большей части истории цивилизации вопрос коммуникации двух сфер решался разными способами, но все они сводились, в общем, к одному: вытеснению неполитического на периферию социальной системы. Неполитическое отнюдь не было уничтожено, так как это невозможно, но не имело самостоятельной ценности. И то, что история политической власти, по меткому замечанию К. Поппера, стала подноситься как синоним истории человечества (см.: [10, с. 311]), вовсе не является плодом чьего-то злого умысла, – это естественное следствие сложившейся ситуации. Христианство автономизировало духовную сферу и тем самым нанесло сильный удар по абсолютному доминированию политического, но сращение Церкви с государственными институтами после эдикта Феодосия 380 г. привело к восстановлению традиционного отношения двух сфер.

Политическая сфера устроена вертикальным образом, она функционирует в логике иерархии, дисциплины, подчинения. Неполитическая же сфера действует в логике взаимодействия, компромисса, договора. В ней нет места понятиям «главный» и «подчинённый», ибо любые роли в ней являются условными и временными.

Трудности в коммуникации и взаимодействии политической и не политической подсистем социальной системы являются не временными и исторически обусловленными, но сущностными и непреодолимыми в рамках известного нам мира.

Чем выше уровень институализации и публичности влияния гражданского на политическое, тем более «современной» может считаться политическая система.

В специфических условиях протестантской Европы не-политическая сфера смогла выйти из-под господства политики и занять самостоятельное место. Эта революция, не имевшая прецедентов в истории (см.: [9, с. 87]), и породила современный экономический и политический строй, который мы знаем и подразумеваем сегодня, говоря о «модернизации» (см.: [11, с. 298]). Тогда появилась возможность институализировать коммуникацию политического и не политического с обеих сторон. В традиционной системе институализирована была только власть, и, стало быть, только воздействие политической сферы на не политическую. У людей же, не имевших прямого отношения к государственной власти, были лишь два способа воздействия на неё – подкуп власть имущих или восстание (т. е. прямое насилие). Современная система смогла институализировать коммуникацию с двух сторон; так появились органичные институты влияния неполитического (гражданского) сообщества на политическую сферу: свободные выборы, гражданский контроль, независимый суд, автономное (т. е. не зависящее от воли политической власти) гуманитарное право и т. п. Это не разрешило фундаментального противоречия, заложенного в самой природе двух сфер социума, но заметно облегчило существование неполитической сферы, и, высвободив заложенный в ней потенциал, дало возможность быстрого социально-экономического развития, основанного на технических и социальных инновациях.

Можно с достаточной уверенностью утверждать, что такая модель вполне адекватна исследовательским проблемам, стоящим перед современной политологией. Кроме того, она предлагает достаточно ясный критерий «современности» политической системы: уровень влияния гражданского на политическое через публичные, легальные институты, и это не обязательно должны быть выборы и политические партии. Чем выше уровень институализации и публичности такого влияния, тем более «современной» может считаться политическая система. Этот критерий представляется гораздо более удобным для оценки качества политических систем, чем туманные индексы «демократичности».

Значение для России. Исследовательские перспективы

Если применить описанную выше модель к ситуации современной России, можно видеть, что основное направление политических исследований следует скорректировать. С нашей точки зрения, никак нельзя согласиться с мнением, что демократия в России «не удалась» или же что она «невозможна» в силу культурной специфики либо мистических причин. Даже И. Глебова, весьма скептически воспринимающая демократи-

зацию и модернизацию России, анализируя произошедшие за последние 15 лет перемены, отмечает: «Подчинение материи губит особую природу русской власти. На наших глазах совершается её превращение из Моносубъекта в один из субъектов политического процесса» [12, с. 10]. Но ведь именно это является ключевым моментом в переходе от авторитарно-феодалного к современному пониманию власти, от религиозной или харизматической легитимации к рациональной! Но, тем не менее, мы видим, что отчуждение общества и власти весьма велико – связь между «головой» и «ногами» нарушена. И многочисленные социологические опросы, фиксирующие низкий уровень доверия политическим институтам, это подтверждают (см.: [13]).

Неполитическая сфера в России сегодня в значительной степени автономизировалась, но коммуникационные каналы по-прежнему работают только в одну сторону – от власти к обществу. Это порождает опасную ситуацию – сущностное отчуждение двух сфер в России не только не преодолевается, но даже усугубляется. И решать эту проблему необходимо, причём как можно скорее.

Для политологии это означает, что нужно переместить внимание от избирательной и партийной систем (а в нынешних условиях их исследование сводится к сетованиям, что российские партии не являются партиями (см.: [14])) к изучению коммуникационных институтов. Для нас представляет интерес не то, какими формальными признаками характеризуются институты воздействия власти на общество (и особенно общества на власть), но то, как они реально работают. Действительно ли у нас как в традиционной системе нет иных каналов общественного влияния, кроме коррупционных? Какие из легальных и публичных институтов уже являются (или теоретически могли бы быть) эффективными коммуникационными каналами? Какие неформальные институты выполняют ту же функцию? Эффективнее ли они, чем формальные? Какие из них можно формализовать, «вывести из тени»?

В этом плане и роль партийной системы может быть переосмыслена. Так, «Единая Россия» не есть политическая партия с точки зрения классической теории. Но является ли она коммуникационным институтом? Может ли гражданин добиться каких-то позитивных изменений, «достучаться» до власти через аппарат «ЕР»? Может быть, это эффективнее, чем обращаться напрямую в органы государственной власти? Тот же самый вопрос стоит задать и в отношении других, т. н. «системных» политических партий, общественных палат, различных некоммерческих организаций (как существующих «при власти», так и независимых), СМИ и иных институтов. Все эти вопросы должны, на наш взгляд, занять центральное место в современной политической науке.

Неполитическая сфера в России сегодня в значительной степени автономизировалась, но коммуникационные каналы по-прежнему работают только в одну сторону – от власти к обществу. Это порождает опасную ситуацию – сущностное отчуждение двух сфер в России не только не преодолевается, но даже усугубляется.

В рамках предложенной методологии, ключевой исследовательской проблемой становится именно качество коммуникации «власть – общество – власть». При этом не стоит задача создавать новый научный аппарат на пустом месте. В политологии на обозначенном направлении уже существует серьёзный задел, созданный в последние годы (см.: [15; 16]), и необходимо развивать его далее как «вверх», на уровень теории, так и «вниз», к прикладной политологии и публичному дискурсу.

А значит, на уровне высокого теоретизирования требуются дальнейшая разработка «двухчастной» модели и создание определений «политики» и «политического процесса», не исходящих из борьбы за власть как основания.

На уровне фундаментальных исследований основное внимание следует сосредоточить на изучении таких институтов, как обращения граждан, общественные палаты и советы, общественные приёмные, некоммерческие организации.

На уровне прикладных разработок главное внимание нужно направить на технологии использования существующих (и конструирование новых) коммуникационных институтов для продвижения интересов граждан. Кроме того, следует приложить усилия к трансляции достижений академической политологии в публичное пространство, искать общий язык с активом гражданских движений, для которого политология, не сосредоточенная на одной лишь борьбе за власть, может быть и полезной, и интересной.

Всё это в близком будущем должно стать одним из основных направлений политологических исследований. Вероятно, именно на этом пути и можно найти вожделенный выход из идейного кризиса, в котором находится сейчас наша наука.

Библиографический список

1. Медведев Д.А. Послание Федеральному собранию 2010 г. / URL: <http://www.president.kremlin.ru/transcripts/9637>; 16.01.11.
2. Даль Р.А. О демократии. Пер. с англ. – М., 2000.
3. Джексон Д.И. Политическая методология: общие проблемы // Политическая наука: новые направления. Под ред. Р. Гудина и Х.Д. Клингеманна. Пер. с англ. – М., 1999.
4. Козырева П.М., Гурко Т.А. и др. Роль семьи в консолидации российского общества // Социальные факторы консолидации российского общества: социологическое измерение. Под ред. М.К. Горшкова. – М.: Новый хронограф, 2010.

5. Галкин А.А. Индивид, общество и структуры власти // Размышления о политике и политической науке. – М.: ИСП РАН, 2004.
6. Соловьёв А.И. Политология: политическая теория, политические технологии. – М.: Аспект-пресс, 2001.
7. Коэн Д.Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. Пер. с англ. – М.: Весь мир, 2003.
8. Аристотель. Политика, I, 1,1 // Политика. Афинская полития. – М.: Мысль, 1998.
9. Геллнер Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. Пер. с англ. – М.: МШПИ, 2004.
10. Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. Пер. с англ. Т. II. – М., 1992.
11. Андреев А.Л. Приемлем ли для России западный путь модернизации? // Готово ли российское общество к модернизации. Под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. – М.: Весь мир, 2010.
12. Глебова И.И. Как Россия справилась с демократией: заметки о русской политической культуре, власти, обществе. – М.: РОССПЭН, 2006.
13. Рейтинг одобрения и доверия. Март 2011. URL: <http://www.levada.ru/press/2011032401.html>; 28.03.11.
14. Кынев А.В., Любарев А.Е. Партии и выборы в современной России: Эволюция и деволюция. – М.: Либеральная миссия; Новое литературное обозрение, 2011.
15. Институциональная политология: современный институционализм и политическая трансформация России. Под ред. С.В. Патрушева. – М.: ИСП РАН, 2006.
16. Социальные технологии межсекторного взаимодействия в современной России. Под ред. А.С. Автономова. – М.: Фонд «НАН», 2003.